

УДК 821.511.132:920.2 (092) Куратов

П.Ф. Лимеров

КЛАССОВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА И.А. КУРАТОВА: ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Поэтическое наследие первого коми писателя И.А. Куратова долгое время было объектом политических спекуляций. На начальном этапе его изучения, в 1930-е гг., И.А. Куратову предъявлялись обвинения в «буржуазном национализме». В противовес этому была создана биография поэта, отрекающегося от ценностей своего сословия и посвятившего свою жизнь служению трудовому народу. Оригинальная поэзия этого автора была объявлена формой пропаганды революционно-демократических идей, в ее содержании актуализировалось чувство ненависти к царскому режиму. Классовый подход характерен почти для всех работ о Куратове, написанных в советский период, и для некоторых, созданных в постсоветское время. В статье рассматривается, как в исследованиях о творчестве И.А. Куратова происходило формирование классового подхода и как создавалась социально-политическая модель его биографии.

Ключевые слова: куратоведение, коми литература, биография, классовый подход, буржуазный национализм, атеизм, просвещение, самодержавие.

Иван Алексеевич Куратов [06 (18).07.1839, с. Кебра Усть-Сысольского уезда Вологодской губ. – 17 (29).11.1875, г. Верный Семиреченской обл.] – первый коми писатель, своим творчеством положивший краеугольный камень в основание коми литературы, широко известен не только в Республике Коми, но и в финно-угорских регионах России. Он – основоположник не только коми литературы, но и коми литературного языка. Самобытность и выдающиеся качества его поэзии не вызывают сомнений. Между тем, изучение творческого наследия И.А. Куратова в постперестроечные годы, особенно в последнее десятилетие, всё явственнее отходит на периферию литературоведческих штудий. Причина заключается в том, что долгие годы оригинальное творчество И.А. Куратова изучалось преимущественно в политическом контексте, так что понимание его поэзии оказалась кардинально смещена в сторону псевдореволюционной риторики. Задача современной науки о литературе – вернуть поэзию И.А. Куратова в собственно литературоведческий дискурс. Нам же интересно рассмотреть, как формировался классовый подход в изучении его творчества и как складывалась социально-политическая модель его биографии.

И.А. Куратов родился в семье Алексея Петровича Куратова, дьякона Спасской церкви села Кибра. Окончив Вологодскую духовную семинарию, он служил учителем церковно-приходской школы г. Усть-Сысольска, затем прошёл обучение в училище военного ведомства в г. Казани и был направлен на службу в г. Семипалатинск аудитором в штаб седьмого Западно-Сибирского батальона. Спустя год, в 1867, Куратова перевели в Туркестан, в крепость Верный (совр. Алматы), где он служил вплоть до своей безвременной кончины в 1875 г. на должностях аудитора, чиновника особых поручений, судьи. После смерти его рукописи были отправлены в Санкт-Петербург племяннику Николаю Афанасьевичу Куратову, в то время студенту университета, который и доставил их в Коми край, в дом своего отца, священника с. Визинга Афанасия Алексеевича Куратова, брата поэта. Впоследствии, рукописи перешли к его сыну Степану Афанасьевичу, также служившему священником в с. Визинга. Первое сообщение о рукописях Куратова принадлежит И. Вихману, финскому лингвисту, находившемуся в научной командировке в Коми крае в 1901-1902 гг. Вихман снял копии стихотворений и записей Куратова и увез в Финляндию. В своём отчёте об экспедиции [35] он дал описание этих рукописей и опубликовал два стихотворения Куратова на коми языке и в переводах на немецкий и финский. Известно, что рукописями интересовались этнолог и философ К.Ф. Жаков и его ученик, будущий американский социолог П.А. Сорокин. Жаков специально приезжал в Визингу и пытался получить рукописи для публикации, однако Степан Куратов не позволил это сделать. Позднее, в 1913 г., он предложил их для публикации Архангельскому обществу изучения Русского Севера, но по неизвестным причинам эта публикация не состоялась [22. С. 32]. Собственно изучение творчества И.А. Куратова и публикация его рукописей начинается в 1920-е гг. доктором филологических наук, лингвистом и этнографом А.С. Сидоровым и его женой Людмилой Степановной, дочерью Степана Куратова. Последний передал ей рукописи дяди. После ее безвременной смерти в 1925 г. архив наследует А.С. Сидоров [22. С. 34]. В августе 1923 г. в газе-

те «Югд туй» (Светлый путь) вышла статья известного писателя и лингвиста, профессора В.И. Лыткина «Забытые коми поэты», в которой он сообщал о полученных А.С. Сидоровым тетрадах И.А. Куратова. В.И. Лыткин не удержался от восклицания, что для истории коми литературы эта находка равносильна открытию Америки [1. С. 8]. В ноябре 1923 г. в журнале «Парма ёль» выходит статья А.С. Сидорова «Неизвестный коми писатель И.А. Куратов», в которой впервые сделан обзор всех рукописных материалов архива, обобщены сведения о биографии поэта и приводятся образцы его стихотворений [31. С. 18-19].

В связи с отъездом в Ленинград в 1926 г. А.С. Сидоров передал часть рукописей Куратова директору Коми книжного издательства И.И. Оботурову для издания сборника стихотворений [1. С. 12]. Книга вышла в 1932 г., в её составе было опубликовано значительное количество стихотворений, а также некоторые главы «Зырянской грамматики» [17]. Кроме того, составитель счёл нужным прокомментировать творчество поэта в Предисловии. Видно, что стихи Куратова не произвели должного впечатления на И.И. Оботурова, давшего поэзии первого коми поэта крайне не лестную характеристику. В частности, он пишет, что в стихах И.А. Куратова нет «сознательных мыслей о развитии капитализма», а есть «народнические взгляды». Он обвинил поэта в том, что тот видит «только самодержавно-крепостнический строй», а не силы, которые должны сокрушить последний. Критик назвал поэзию Куратова упаднической и сентиментальной, а его самого – националистом и «идеологом нарождающейся коми национальной буржуазии» [28. С. 12]. Эта статья, по мнению А.Е. Ванеева, имела негативные последствия: некоторое время поэзия Куратова характеризовалась как «сентиментальная», а сам он объявлялся «коми националистом». Так, в статье о коми литературе, опубликованной в «Литературной энциклопедии» известный коми поэт Виктор Савин определил место Куратова между Г.С. Лыткиными и К.Ф. Жаковым, первый из которых получил характеристику переводчика на коми язык религиозной литературы, а второй – идеалиста, «ярого проповедника буржуазной морали», к тому же не принявшего революцию эмигранта. О Куратове там сказано: «коми националист и народник, творчество его представляет собою сентиментальную лирику» [1. С. 14]. В рамках классового подхода к литературе подобная оценка творчества писателя могла стать поводом для исключения его из историко-литературного дискурса, как это случилось с К.Ф. Жаковым.

Однако кризисная ситуация разрешилась в середине 1930-х гг. после публикаций ряда статей А.А. Попова, выпускника Института красной профессуры. Ещё в студенческие годы он вел активную изыскательскую работу, выявляя материалы для создания творческой биографии И.А. Куратова, опубликовал ряд статей в Республиканской печати. Наиболее известной стала статья 1935 г. «Некымын кыв И.А. Куратов йылысь» («Несколько слов об И.А. Куратове»), опубликованная в газете «Ударник». Здесь впервые поставлен вопрос о социально-идеологическом контексте поэзии Куратова [29. С. 35-40]. Впоследствии А.А. Попов защитил кандидатскую диссертацию о жизни и творчестве поэта, поставившую куратоведение на марксистские рельсы. Известный коми лингвист и писатель В.И. Лыткин сказал о А.А. Попове: «Он открыл нам Куратова», имея в виду «открытие» его как поэта-«революционного демократа» [23. С. 27]. В Научном архиве Коми НЦ сохранилась статья А.А. Попова «О И.А. Куратове»,¹ видимо, подготовленная в 1939 г. к 100-летию со дня рождения поэта. Статья содержит основные положения диссертации, и по ней можно судить об исследовательской стратегии автора. Задачей Поповым в этой работе становится защита творческого наследия Куратова от «ложных выводов» (А.Е. Ванеев) литературной критики и включение его в советскую идеологическую систему, а следовательно, в текущий историко-литературный процесс. Отсюда апологетическая риторика автора, изобилующая ответными выпадами в сторону других участников литературно-идеологической полемики. Вот, например, прямое указание на статью В. Савина: «Ведущие в контрреволюционное болото коми националисты, враги народа думают, что стихотворения Куратова полностью лирика нитья, а сам Куратов народник и буржуазный коми националист (смотрим, например, «Литературную энциклопедию, V том, статья «Коми литература»). В таком отпевании Куратова правды нет. Куратов не народник, как не были народниками Чернышевский и Добролюбов... Народники эволюционировали в эсеры, стали противниками революции, контрреволюционерами, врагами народа. А.М. Горький отмечал, что теория народничества привела к современному фашизму. Творчество Куратова никогда не приближалось к реакционному, тянущему назад: оно всем сердцем тяну-

¹ По определению А.Е. Ванеева это «монография», однако сравнительно небольшой объём работы (60 л.) свидетельствует о том, что это статья, написанная по теме диссертации.

лось к тому, что ведёт вперёд, помогает облегчить жизнь и труд масс». Поэтому надо полностью отодвинуть от Куратова воздвигнутую на него клевету» [30. Л. 48].

Работа состоит из четырёх подразделов, каждый из которых представляет собой ответ на один из ключевых вопросов, возникающих в ходе полемики с политическими оппонентами: 1 раздел – «Очерк эпохи И.А. Куратова»; 2 раздел – «Жизнь и творчество И.А. Куратова»; 3 раздел – «Характерные особенности творчества И.А. Куратова»; 4 раздел – «Чем дорог И.А. Куратов народу Коми АССР и народам всего СССР?». Центральной проблемой исследования А.А. Попова является определение социокультурной позиции И.А. Куратова в историческом процессе. В качестве точки отсчёта берётся марксистская концепция классовой борьбы в применении к республике Коми. В начале первого раздела говорится о том, что только «враги рабочего народа и предатели родины могут заявлять, что в среде коми народа не было никаких классов и классовой борьбы». Попов опровергает этот тезис, заявляя, что классовое разделение прослеживается уже в эпоху Стефана Пермского, а в коми сказках можно обнаружить «большую злость на царя, его чиновников, на попов-дьяков и монахов, судей, помещиков, купцов, кулаков». Далее идут ссылки на «Дневные записки» Ивана Лепехина, монографию К.А. Попова «Зыряне и зырянский край», якобы содержащие примеры того, как коми крестьян «по рукам и ногам связывали просмоленной веревкой купцы и кулаки» [30. Л. 1-5].

В контексте классовой теории рассматривается и биография поэта, восстановленная А.А. Поповым по материалам архивов Вологодской семинарии и Сыктывкара. В этой биографии содержатся характеристики всех этапов жизни поэта, обстоятельств, формировавших его личность и творчество. При реконструкции биографии Куратова в качестве главного обстоятельства, формирующего личность поэта, Попов называет бедность. По мнению ученого, Куратов является одним из тысяч обездоленных крестьян царской России. Но, будучи вдохновлённым передовыми идеями Чернышевского и Добролюбова, он поднимает свой голос против ненавистного самодержавного строя. Защита обездоленных и ненависть к царскому режиму являются главными мотивами поэзии Куратова. Другая интерпретация творческого наследия Куратова оказывается недопустимой. Восстановление биографии И.А. Куратова является главной заслугой А.А. Попова, однако, ее трактовка с позиций сегодняшнего дня выглядит устаревшей. Оригинал диссертации А.А. Попова неизвестен, данная статья никогда не была опубликована в связи со скорострительной смертью автора в 1939 г., тем не менее, именно эта статья дала необходимый исследовательский импульс, из которого вырос куратоведческий дискурс.

Следует признать, что с середины 1930-х гг. поэзия Куратова стала явлением, скорее политическим, чем литературным. В 1937 г. в рамках кампании по борьбе с национализмом был арестован А.С. Сидоров, уже сдавший в издательство двухтомное собрание сочинений И.А. Куратова. В связи с этим, подготовку издания поручили редакционной коллегии в составе А.А. Вежева, П.Г. Доронина и Д.В. Конюхова. Выход собрания сочинений был приурочен к столетию со дня рождения поэта. По понятным причинам имя А.С. Сидорова, проделавшего всю текстологическую и редакторскую работу, составившего корпус примечаний и комментариев, в титлах издания не значилось. Выйдя на свободу после реабилитации в 1941 г., учёный обратился с письмом в Коми государственное издательство. Он подробно описал свой вклад в подготовку собрания сочинений поэта и попросил создать комиссию, которая сделала бы заключение о степени использования его работы «Полное собрание сочинений И.А. Куратова» в издании «И.А. Куратов. Сочинения I – II тт.» [20. С. 15]. Реакция А.С. Сидорова понятна: его лишили авторских прав на труд, которому он посвятил 13 лет. Комиссия создана не была, А.С. Сидорова в авторских правах не восстановили. Вышедшее двухтомное собрание сочинений сопровождалось вступительной статьёй П.Г. Доронина, заменившей аналогичную статью А.С. Сидорова. В ней использовались основные положения работ А.А. Попова, в частности, его подход к творческому наследию и биографии И.А. Куратова. Данная статья стала образцом для последующих советских исследователей творчества поэта. В частности, П.Г. Доронин воплотил разработанную А.А. Поповым сюжетную схему биографии И.А. Куратова, отражающую становление и развитие классового сознания поэта.

Безоговорочному признанию Куратова поэтом-глашатаем демократических идей мешала его принадлежность к духовному сословию, а также его служба в должности военного следователя и чиновника по особым поручениям в Туркестане. В качестве альтернативы была предложена биографическая схема, по которой Куратов являлся выходцем из обедневшей многодетной семьи сельского дьякона, рано познал нужду, образование получил в Яренской церковно-приходской школе и бурсе, в которой «лучшими методами (воспитания – ПЛ.) считались розга и телесные наказания» [13. С. VI].

В затхлой обстановке Вологодской семинарии поэт занимается самообразованием, изучает русских и зарубежных писателей, иностранные языки, занимается коми и финно-угорским языкознанием. Апогеем учёбы в семинарии становится его знакомство с просветительскими идеями, исповедуемыми русской демократической интеллигенцией, в частности - Белинским, Герценом, Добролюбовым, Чернышевским и Писаревым, которые мечтали внедрить в российскую действительность просвещение, самоуправление, свободу и европеизировать ее [13. С. VII]. Дальнейшая жизнь Куратова полностью посвящена освободительной борьбе: «Он полон негодования на феодально-крепостнический строй, и поддерживающий его российский чиновничий аппарат. Официальной церкви он противопоставляет атеизм и просвещение; произволу самодержавия он противопоставляет человеческую свободу, гражданство» [13. С. IX]. Соответственно и его творчество является выражением революционно-демократических и просветительских взглядов: «Каждое стихотворение, каждое высказывание Куратова связано с критическим и обличительным отношением к российской действительности, исходящими из его просветительских взглядов и революционно-демократических убеждений» [13. С. IX].

Такое построение биографии сходно с агиографией, задача которой заключается в демонстрации религиозного подвига святого, который проходит путь от постепенного возрастания в нём благодати с приобщением к духовному наследию предыдущих подвижников до последующего вхождения в святость. Если житие составлялось для обоснования культа святого, то применительно к судьбе Куратова подобная «агиографическая» или, лучше сказать, социально-политическая модель биографии позволяла создать образ героя-поэта, впервые поднявшего голос против бесправия и нищеты своего народа. Соответственно, за Куратовым закрепилась репутация поэта-бунтаря, а его поэзия трактовалась как призыв к народно-освободительной борьбе. Эта созданная в 1930-е гг. модель творческой биографии Куратова за редкими исключениями воспроизводится до сегодняшнего дня. Основными работами, закрепившими ее в сознании читателей, стали монография А.Н. Фёдоровой «И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества» [35] и книга очерков А.Е. Ванеева «В поисках истины: Мировоззрение и эстетические взгляды И.А. Куратова» [1]. В книге Фёдоровой творческое наследие Куратова рассматривается как следствие его биографии. В работе Ванеева обосновывается специфика мировоззрения поэта, которое определяет характер его поэзии. Изложенные в монографиях материалы кочуют по страницам научных работ, научно-популярных статей и учебников.

Работа А.Н. Фёдоровой, вышедшая в 1960-м г. и переизданная в 1975, вводит в научный оборот ряд ценных фактических материалов о жизни поэта, она полна интересных наблюдений, как частного, так и общего характера. Стихотворения Куратова соотносятся с обстоятельствами его жизни. Фёдорова отталкивается от сформированной в 1930-е гг. модели, потому в биографии поэта акцентирует внимание на смене ценностей – от религиозных, свойственных духовному сословию, с которым Куратова связывало происхождение, к революционно-демократическим, которые он выбрал благодаря знакомству с работами Белинского, Чернышевского, Герцена и Добролюбова [35. С. 30], а позднее – с публикациями «революционных демократов» на страницах журнала «Современник» [34. С. 49]. В работе утверждается, что Куратов навсегда усвоил мысль о том, что «самым существенным вопросом для революционных демократов и демократической литературы является вопрос о положении народа». Фёдорова констатирует, что коми крестьяне несли такие повинности и налоги, «подвергались такой жестокой эксплуатации», что бывавшие здесь русские писатели и этнографы обнаруживали «крайнюю степень их обнищания и разорения». Далее она пишет о том, что «самодержавие основывает угнетение и эксплуатацию народов на темноте и невежестве народных масс». Эксплуатации и невежеству коми народа Куратов противопоставляет просвещение и решает посвятить этому свою жизнь: пишет работы о языке, культуре, истории коми народа и даже предполагает создание письменности и грамматики коми языка. Поэтическое творчество Куратова, с одной стороны, является откликом на идеи просвещения коми народа, с другой стороны, его поэтическая концепция отражает традиции «демократической поэзии», в ней слышится «горячее сочувствие к народу и защита его интересов, сострадание и любовь к угнетённым, резко отрицательное отношение к эксплуататорам и угнетателям народа».

Еще одним штампом советского времени в работе Фёдоровой является мысль о том, что поэзия Куратова опирается на устное народное творчество, благодаря чему «поэт сумел правдиво и реалистически показать трудовой мир крестьянства, типичные черты народного характера» [35. С. 49-65]. Абсолютно все стихотворения Куратова интерпретируются в соответствии с этой схемой. В мифологизированной биографии создается образ «поэта-бунтаря», поэтому Куратов наделяется непостоян-

ным и неуживчивым характером. После приезда в Усть-Сысольск в 1861 г. он служил учителем в духовно-приходском училище, но вскоре разочаровался в этой профессии. Он дружил только с прогрессивно настроенными интеллигентами, польскими политссыльными и сосланными студентами, за что прослыл «опасным вольнодумцем». Его преследовали чиновники и полицейские, он жил в ожидании «новых преследований». Поэтому Куратов подает прошение в школу полковых аудиторов г. Казани. Его учебу в этой школе А.Н. Федорова называет «сроком пребывания». Далее она описывает службу в Туркестане, подчеркивая, что, хотя поэт и занимает должность военного следователя, он «тяготится» своей службой и хочет от неё освободиться [35. С. 165]. Этому вроде бы противоречит описание служебных дел Куратова, замечательно описанных самой исследовательницей, да и награды поэта – ордена Анны и Станислава – говорят о том, что к службе он относился добросовестно. Снимая эти противоречия, Фёдорова отмечает, что Куратов и здесь проявляет стремление «защитить интересы местного населения», но ему мешают «козни царских чиновников», которые пытаются его «оклеветать и опорочить» [35. С. 174]. Несмотря на излишнюю политизированность, исследование Фёдоровой, безусловно, стало значительной вехой в куратоведении: оно обогатило знания о поэте, в нем впервые наиболее полно и системно описано его творческое наследие.

А.Е. Ванеев, поэт и литературовед, был ярким и последовательным проводником коммунистических убеждений в науке о литературе. Исходя из принятого в советской философии тезиса о примате бытия над сознанием, он был сторонником материализма и главной задачей своего исследования о Куратове считал описание того, как формировалось его материалистическое мировоззрение. В монографии «В поисках истины» ученый не только воспроизвел коммунистическую модель биографии поэта, но и подвел под неё основательную историко-политическую и философскую базу. Исторические и политические события рассматриваются как звенья освободительной борьбы народа, книга пестрит ссылками на К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Куратову приписываются сугубо материалистические (диалектические) взгляды («материалистический монизм»), негативное отношение к частной собственности, атеизм, реализм в творчестве, ориентация на просветительство, примыкание к революционно-демократическому лагерю в литературе. Образ поэта и поэзии строится в соответствии с каноном житийно-коммунистической модели: «Именно чувство ответственности перед угнетенным, но родным и близким нами народом составляет душу и плоть всей поэзии И. Куратова. В мрачную эпоху царизма для своего народа он был не только поэтом, но и духовным вождём. И. Куратов понимал это» [1. С. 124]. Последнее особенно трудно представить, если учесть, что поэзия Куратова стала известна широкому народу только в 1930-е гг. Ванеев следует советским догматическим схемам, однако некоторые разделы книги содержат достаточно богатый фактографический материал и аналитическое описание высокого уровня. Это касается, прежде всего, раздела, где рассматриваются «Эстетические ориентиры Куратова» и интерпретируются его судебные дела в Туркестане.

Недостаток исследовательской стратегии Фёдоровой и Ванеева заключается в политизированности. Стремясь показать классовую концепцию творчества Куратова, они значительно сужают представления о реальном тематическом и смысловом диапазоне его поэзии. При всей неизбежности подобного подхода в условиях советской идеологической диктатуры, надо признать, что он не даёт правильного понимания феномена Куратова как человека XIX в. – разночинца, царского чиновника, вместе с тем – поэта, мыслителя, не обеспечивает понимания творческого наследия Куратова и его места в литературном контексте XIX в.

Данный подход к поэзии Куратова в годы сталинской диктатуры позволил спасти его поэзию от цензурских запретов. Впоследствии он стал настолько привычен, что воспринимался как единственно возможный. Этот подход, объявивший магистральным мотивом Куратовской поэзии страдание народа, а главными образами – угнетённых трудящихся крестьян, на самом деле был настолько понятен и прост, что не требовал особенных интеллектуальных усилий в трактовке стихотворений. Этот подход унаследовали такие крупные литературоведы, как А.В. Вежев [3. С. 17-19], А.К. Микушев [24-27], В.Н. Дёмин [8-12], Н.В. Вулих [4]. Сказанное не означает отрицания их работ. Хотя эти исследователи в основном ориентировались на утверждённую в 1930-е гг. социально-политическую модель биографии и творчества Куратова, но они были первыми, поставившими вопрос о специфике его творчества и предложившими интерпретировать его не только с историко-социологической, но и с историко-литературной и стиховедческой точек зрения. Так, в работе, посвящённой исследованию взаимосвязей И.А. Куратова с европейской поэтической традицией, В.Н. Дёмин подчеркнул, что «важно осмыслить Куратова как поэта, связанного не только с Некрасовской, но и с европейской школой поэзии» [12. С. 4]. Изучая специфику

переводных произведений И.А. Куратова, В.Н. Дёмин приходит к выводу о том, что поэт осознавал свою поэзию как мыслительный акт и что это сближает его с «поэтами тютчевской плеяды, с философской линией развития поэзии» [12. С. 19]. Данный вывод позволяет скорректировать представление о творчестве И.А. Куратова как исключительно революционно-демократическом. Нельзя также не отметить блестящую по замыслу и воплощению работу Н.В. Вулих и А.Е. Ванеева «Античность в творчестве И.А. Куратова» [2. С. 62-76], совершенно лишённую вульгарно социологических трактовок.

Трудно переоценить вклад В.И. Лыткина в куратоведение. Первые его статьи появились в периодике 1920-х гг., но основные работы написаны позже. В.И. Лыткин выступил в 1964 г. с инициативой проведения ежегодных конференций «Куратовские чтения», поднявших куратоведение на качественно новый уровень [Подробнее: 1. С. 24; 32. С. 20-21]. Благодаря «Куратовским чтениям» круг исследователей творчества поэта существенно расширился: в Чтениях принимали участие ученые, преподаватели литературы, краеведы и писатели; научные работники были представлены не только Сыктывкарком, но и другими финно-угорскими регионами, а также Москвой, Ленинградом, Пермью, Вологдой, Будапештом. Материалы докладов публиковались в шести сборниках с аналогичным названием, выходящих в свет с 1973 по 1990 гг. После длительного перерыва в 2003 г. был опубликован сборник статей по материалам научной конференции 1999 г. «И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения», посвященной 160-летию со дня рождения поэта. На конференции обсуждался широкий спектр вопросов, и помимо исследователей-литературоведов в ней принимали участие ученые-лингвисты и историки. На конференции были представлены и работы по генеалогии И.А. Куратова. Как таковые «Куратовские чтения» больше не проводились, но стали традицией конференции куратоведов, приуроченные к юбилейным датам. Так, в 2009 г. к 170-летию со дня рождения И.А. Куратова была приурочена конференция «Творчество И.А. Куратова и развитие литератур финно-угорских народов» и вышел в свет одноименный сборник статей. В 2014 году к 175-летию со дня рождения поэта был проведён симпозиум «И.А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества», материалы которого опубликованы в одноименном сборнике.

Значительным вкладом в куратоведение являются работы языковеда Е.С. Гуляева. Среди них выделяется монография «Очерки истории коми литературного языка», в которой есть глава «Основоположник коми литературы И.А. Куратов и его деятельность по строительству коми литературного языка» [5. Л. 37-293]. Е.С. Гуляев проделал большую работу с рукописными фондами поэта: опубликовал ряд неизданных к тому времени работ И.А. Куратова по коми языку [6]. В конце 1960-х гг. он издал опись всех материалов рукописного фонда И.А. Куратова. Наиболее значительной работой Е.С. Гуляева в области куратоведения стала подготовка к публикации академического сборника произведений поэта [17]. Как отмечает в предисловии составитель, работа проходила по нескольким направлениям: прежде всего были прочитаны заново автографы Куратова, внесены в них соответствующие правки, выявлены и рассмотрены все варианты и редакции стихотворений, и из них, в соответствии с мнением поэта, выбраны лучшие; определена хронология всех вариантов текста, предложена новая датировка стихотворений; все стихотворения были заново отредактированы и переведены на современную графику и орфографию; но самое главное – к каждому произведению был составлен академический комментарий [7. С. 18]. Е.С. Гуляев ушёл из жизни в 1977 г., не дождавшись издания своей книги. К сожалению, не увидела и свою книгу опубликованной скончавшаяся в 1974 году А.Н. Федорова – автор комментариев к стихам И.А. Куратова, переведенным на русский язык.

Творчеству Куратова посвятил многие свои работы и выдающийся финно-угровед, фольклорист А.К. Микушев. В 1961 г. вышла его монография «Коми литература и народная поэзия», ставшая важной вехой в научной деятельности ученого. Во второй главе книги «Первый коми поэт-демократ И.А. Куратов и народная поэзия» на примере стихотворений поэта А.К. Микушев показал, что фольклоризм присущ коми литературе изначально, на уровне культуры языка. Особенно актуальными являются работы А.К. Микушева, освещающие период жизни И.А. Куратова в Туркестане. [25. С. 31-43]. Но значительной вехой в куратоведении стала программная статья А.К. Микушева, опубликованная в последнем, шестом томе «Куратовских чтений» [27. С. 5-13]. В ней впервые был поднят вопрос о необходимости преодоления стереотипов в изучении творчества Куратова. По его мнению, первый стереотип складывался в 1920-е гг. – поэт был воспринят как певец народного, национального, отсюда позднее его стали обвинять в национализме. Второй стереотип возник в 1960-70-е гг., когда Куратов рассматривался как последователь Некрасова, Чернышевского и русских революционных демократов и в его поэзии акцентировалась только социальная проблематика. В качестве альтернативы Микушев выдвигает положение о том, что в творчестве Куратова сливаются воедино национальное, социальное и общечеловеческое.

Он подчёркивает, что «главное начало – общечеловеческое, на которое куратоведы обращали недостаточное внимание. А именно в этом триединстве с приоритетом общечеловеческого кроется секрет бессмертия куратовского наследия, да и секрет куратовского феномена в целом» [27. С. 6-7].

Туркестанский период жизни поэта исследован наиболее глубоко в книге Н.П. Ивлева «Кураатов в Казахстане» [14]. Книга написана по материалам, найденным в архивах Казахской ССР, документам, книгам XIX в. Ученый освещает неизвестные до этого факты биографии коми поэта, особо ценными являются сведения об окружении И.А. Куратова, о следственных и судебных делах, которые он проводил. Вместе с тем, Н.П. Ивлев подчеркивает, что приведенные им сведения не исчерпывают всех материалов, хранящихся в архивах Казахстана, которые ждут новых исследователей.

Огромное значение для куратоведения имеют работы Г.И. Тираспольского. Основным объектом его исследований явились лингвистические изыскания И.А. Куратова, чему посвящены две книги [32-34]. В первой описана научная деятельность И.А. Куратова. Автор привлекает новые архивные документы, уделяет много внимания анализу лингвистических идей И.А. Куратова, его вкладу в исследование коми языка. Вторая книга представляет результаты работы с рукописным наследием поэта. В третьей исследовано влияние творчества А.С. Пушкина на поэзию И.А. Куратова. Пушкинское наследие стало эстетическим и нравственным ориентиром для Куратова, благодаря чему его произведения вошли в широкий контекст отечественной литературы. К сожалению, последняя книга Г.И. Тираспольского не вызвала большого резонанса в среде литературоведов, хотя с научной точки зрения это бесспорно выдающееся явление.

Следует отметить статью В.А. Латышевой «О драме Ивана Куратова «Пама»» [18. С. 180-202]. В качестве отправной точки для анализа образа Пама, Латышева привлекает размышления самого Куратова о трагедиях Шекспира и делает вывод о том, что Пама – трагедийный герой, сродни шекспировскому королю Ричарду, но превосходящий его в стремлении помочь своему народу и всушающий ради этого в конфликт со Стефаном и стоящими за ним силами. Образ Пама близок поэту. Куратов в его лице выводит «тип благородного проповедника», в речи которого он вкладывает «значительный человеческий и социальный смысл», а также ноты национального протеста против колонизации Коми края. Незавершенность поэмы В.А. Латышева объясняет тем, что поэт не мог показать «решительные национально-освободительные действия», поскольку «ни история, ни предание не дают ему на это больших оснований» [18. С. 191].

В работах П.Ф. Лимерова, В.А. Лимеровой, Л.Е. Сурниной, изданных в последние годы, в частности в главе «И.А. Куратов: новые подходы к изучению творчества», включенной в коллективную монографию «Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности» [19. С. 306-339], поставлена актуальная для сегодняшнего куратоведения проблема обновления методологии и методики исследования творчества поэта. Для интерпретации текстов ученые используют жанровый, структурный, субъектно-объектный анализ.

С большим трудом преодолевается инерция одностороннего политизированного восприятия поэзии Куратова. Сошлемся на А.К. Микушева, который считал, что творчество этого поэта многомерно и к нему необходимо применять разные подходы. Крестьянская тема разрабатывалась Куратовым не для того только, чтобы осудить социальный гнет, но чтобы воспроизвести национальный характер, специфику народной жизни и общечеловеческие качества, присущие людям всех социальных слоев. И.А. Куратов без преувеличений выдающийся поэт, его произведения реалистического, гражданского, философского или лирического звучания исполнены неповторимой выразительности, смысловой цельности, эмоционального напряжения и внутренней силы. В них проявляются оригинальные качества художественного сознания, присущего коми народу. Именно это определяет актуальность новых подходов к изучению творческого наследия данного поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ванеев А. Е. В поисках истины. Мировоззрение и эстетические взгляды И. А. Куратова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 176 с.
2. Ванеев А. Е. Коми-зырянское просветительство: сущность и своеобразие. Сыктывкар: Эском, 2001. 224 с.
3. Вежев А.А. Куратов – основоположник коми литературного языка // Ударник. 1940. №1. С. 17-19.
4. Вулих Н. В. Поэзия добра и света. Лирика И. А. Куратова и некрасовская школа. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. 72 с.
5. Гуляев Е. С. Очерки истории коми литературного языка. 1974 (машинопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 101. 485 л.

6. Гуляев Е. С. Неизданная рукопись И. А. Куратова // Коми филология. Сыктывкар, 1972. С. 93-110. (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми филиала АН СССР; № 14).
7. Гуляев Е. С. Водзкыв (= Предисловие) // Куратов А. И. Менам муза. Художественной гижод чукор (= Моя муза. Собр. худож. произведений). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 5–18.
8. Демин В. Н. Коми поэма. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. 144 с.
9. Демин В. Н. Под кронами сосен. Очерки поэтики и истории коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 123 с.
10. Демин В. Н. На небе звезда. Введение в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 288 с.
11. Демин В. Н. История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 315 с.
12. Демин В. Н. И. А. Куратов и европейская поэзия: докл. на заседании президиума Коми науч. центра УрО РАН. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. 23 с. (Науч. докл. Коми НЦ УрО РАН; вып. 416).
13. Доронин П. Г. И. А. Куратовлөн удж да творчество // Куратов И. А. Художественной произведенияс: [в 2 т.]. Т. 1. Сыктывкар: Комигиз, 1939. С. V–LIV.
14. Ивлев Н. П. Куратов в Казахстане. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 200 с.
15. Куратов Иван Алексеевич. (1839–1875): опись докум. материалов фонда личного происхождения. Крайние даты 1856–1966 / Центр. гос. архив Коми АССР; сост. Е. С. Гуляев; ред. Н. А. Тихонов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 63 с.
16. Куратов И.А. Гижод чукор / Предисловие, ред. И.И. Оботурова. Сыктывкар, 1932. 89 с.
17. Куратов А.И. Менам муза (Моя муза) // Сост, ред., предисл., коммент. Е.С. Гуляева. Сыктывкар, 1979. 608 с.
18. Латышева В. А. О драме Ивана Куратова «Пама» // Латышева В. А. Классики и современники: статьи о литературе. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. С. 182–202.
19. Лимеров П. Ф., Лимерова В. А., Сурнина Л. Е. И. А. Куратов: новые подходы к изучению творчества // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллектив. моногр. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: УМЦ УПИ, 2014. С. 306–339.
20. Лыткин В. И. Куратов тодмалан историясь // Куратовские чтения: сб. Т. 1 / отв. ред. А. К. Микушев; Мемор. музей И. А. Куратова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. С. 5–15.
21. Мартынов В. И. Предисловие // Куратов И. А. Ты бесконечна, жизнь: [заметки, публицистика] / [сост., авт. предисл. и коммент. В. И. Мартынов]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. С. 3–8.
22. Мартынов В. И. История открытия и изучения рукописного наследия И. А. Куратова // Куратовские чтения: сб. Т. 6 / отв. ред. А. К. Микушев; Мемор. музей И. А. Куратова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 29–42.
23. Мартынов В. И. Водзкыв (= Предисловие) // Куратов И. А. Коми гор = Голос коми: сб. худож. произведений. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 5–34.
24. Микушев А. К. Коми литература и народная поэзия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 128 с.
25. Микушев А. К. Поэт в Семирежье // Куратовские чтения: сб. Т. 1 / отв. ред. А. К. Микушев; Мемор. музей И. А. Куратова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. С. 31–43.
26. Микушев А. К. На таежных просторах. М.: Современник, 1986. 305 с. (Лит. карта РСФСР).
27. Микушев А. К. Наш Куратов // Куратовские чтения: сб. Т. 6 / отв. ред. А. К. Микушев; Мемор. музей И. А. Куратова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 5–13.
28. Оботуров И. И. Предисловие // Куратов И. А. Гижод чукор. Сыктывкар: Комигиз, 1932. С. 1–18.
29. Попов А. (Олек Ондрей). Некымын кыв И. А. Куратов йылысь // Ударник. 1935. № 3. С. 35–40.
30. Попов А. А. Об И. А. Куратове. 1939 // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 36а. 81 л.
31. Сидоров А. С. Тодлытём коми гижысь И. А. Куратов (= Неизвестный коми писатель И. А. Куратов) // Парма ёль. 1923. № 1/2. С. 18–19.
32. Тираспольский Г. И. И. А. Куратов – языковед. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 144 с.
33. Тираспольский Г. И. Над рукописями И. А. Куратова. Поиски и находки филолога. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 112 с.
34. Тираспольский Г. И. Эхо Пушкинской лиры. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 256 с.
35. Федорова А. Н. И. А. Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 192 с.; [2-е изд., доп.]. 1975. 192 с.
36. Wichman Y. Kurzer Bericht uber eine Studienreise zu den sytjanen (1901–1902) = Краткий научный отчет о командировке к зырянам (1901–1902) // Journal de la Societe Fenno-ougrienne (Helsingfors). 1903. В. XXI.

Поступила в редакцию 28.02.2018

Лимеров Павел Федорович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Коми научный центр Уральского отделения РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: plimeroff@mail.ru

P. F. Limerov

THE CLASS APPROACH IN THE STUDY OF CREATIVITY OF I.A. KURATOV: HISTORIOGRAPHY AND RESEARCH METHODOLOGY

The Poetic legacy of the first Komi writer I.A. Kuratov had been an object of political speculation for a long time. At the initial stage of studying a creative heritage of I.A. Kuratov in the 1930-s there were allegations of his "bourgeois nationalism". In contrast, a biography of the poet who renounces the values of his class and devotes his life to the service of the working people was created. Original poetry was declared the method of propaganda of the revolutionary-democratic ideas, of hatred for the tsarist regime. Class approach is typical for almost all works about Kuratov written in the Soviet period and for some works written in the post-Soviet time. The article discusses the formation of the class approach in researching the creativity of I.A. Kuratov, as well as a socio-political model of his biography.

Keywords: kuratovedenie, Komi literature, biography, class approach, bourgeois nationalism, secularism, enlightenment, autocracy.

REFERENCES

1. Vaneev A. E. V poiskah istiny. Mirovozzrenie i esteticheskie vzglyady I. A. Kuratova [In search of the truth. Outlook and aesthetic views of I. A. kuratova]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1989. 176 p. (In Russian).
2. Vaneev A. E. Komi-zyryanskoe prosvetitel'stvo: sushnost' i svoeobrazie [Komi-zyryansk enlightenment: essence and originality]. Syktyvkar: Eskom, 2001. 224 p. (In Russian).
3. View A. A. Kuratov - osnovopolozhnik komi literturnogo yazyka [Kuratov, the founder of the Komi literary language] // Udarnik [The Drummer]. 1940. No. 1. P. 17-19. (In Russian).
4. Woolich N. V. Poeziya dobra i sveta. Lirika I. A. Kuratova i nekrasovskaya shkola. Syktyvkar [Poetry of good and light. Lyrics I. A. kuratova and Nekrasovskaya school. Syktyvkar]: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1994. 72 p. (In Russian).
5. Gulyaev, E. S. Ocherki istorii komi literaturnogo yazyka. 1974 (mashinopis') [Essays on the history of the Komi literary language. 1974 (typescript)] // Nauchnyi arhiv KNC UrO RAN Nauchnyi arhiv KNC UrO RAN [The Scientific archive of the Kola science center of UB RAS]. F. 5. Op. 2. Ed. HR. 101. 485 l. (In Russian).
6. Gulyaev, E. S. Neizdannaya rukopis' I. A. Kuratova [Unpublished manuscript, I. A. kuratova] // Komi filologiya [Komi Philology]. Syktyvkar, 1972. C. 93-110. (Tr. In-ta yaz., lit. i ist. Komi filiala AN SSSR; ' 14) [(Tr. In the lang., lit. and East. The Komi branch of the USSR Academy of Sciences; No. 14)]. (In Russian).
7. Gulyaev E. S. Vodzykv (= Predislovie) [Vozkal (= Preface)] // Kuratov A.I. Menam muza. Hudozhestvenn'i gizh?d chuk?r (= Moya muza. Sobr. hudozh. proizvedenii). [I. A. Kuratov me Muse. Hudojestvenny gird cuer (= My Muse. Coll. painter. works')]/ Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1979. C. 5-18. (In Russian).
8. Demin V. N. Komi poema [Komi poem]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1978. 144 p. (In Russian).
9. Demin V. N. Pod kronami sosen. Ocherki poetiki i istorii komi poezii [Under the canopy of pine trees. Essays on poetics and history, Komi poetry]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1989. 123 p. (In Russian).
10. Demin V. N. Na nebe zvezda. Vvedenie v teoriyu i istoriyu komi poezii [Star in the sky. Introduction to the theory and history of Komi poetry]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. Izd-vo], 1995. 288 p. (In Russian).
11. Demin V. N. Istoriya i tipologiya zhanrov komi poezii [The history and typology of genres of Komi poetry]. Yekaterinburg: Uro ran, 1997. 315 p. (In Russian).
12. Demin V. N. I. A. Kuratov i evropeiskaya poeziya: dokl. na zasedanii prezidiuma Komi nauch. centra UrO RAN [Kuratov and European poetry: proc. at a meeting of the Presidium of Komi science. centre, Ural branch, Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar: Komi NTS Uro ran, 1999. 23 p. (Nauch. dokl. Komi NC UrO RAN; vyp. 416) [(Sci. Dokl. Komi science centre, Ural branch, Russian Academy of Sciences; vol. 416)]. (In Russian).
13. Doronin P. G. I. A. Kuratovlon udzh da tvorchestvo (= Zhizn I tvorchestvo I. A. Kuratova) [I. A. Kuratovlon udzh da tvorchestvo =] // Kuratov I. A. Hudozhdestvenn'i proizvedeniyas [I. A. Kuratov Hudojestvenny, proizvedeniia]: [in 2 vols]. Vol.1. Syktyvkar: Comegys, 1939. P. V-LIV. (In Russian).
14. Ivlev N. P. Kuratov v Kazahstane [Kuratov in Kazakhstan]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi publishing house], 1981. 200 p. (In Russian).
15. Kuratov Ivan Alekseevich. (1839 - 1875): opis' dokum. materialov fonda lichnogo proishozhdeniya. Krainie daty 1856 - 1966 / Centr. gos. arhiv Komi ASSR; sost. E. S. Gulyaev; red. N. A. Tihonov. [Kuratov Ivan Alekseevich. (1839-1875): inventory filed. of materials Fund of personal origin. Deadline 1856-1966 / Center. state archive of the Komi ASSR; comp. E. S. Gulyaev; ed N. A. Tikhonov]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1968. 63 p. (In Russian).
16. I. A. Kuratov / Gizhod chukor / Predislovie, red. I. [Oboturova Gizhod chukor / introduction, edited by I. I. Obaturova]. Syktyvkar, 1932. 89 p. (In Russian).

17. Kuratov A. I. Menam muza (= Moya muza) [Menam muza (= My Muse)] // Sost, red., Predislovie, komment. E.S. Gulyaeva [Compiled, ed., Preface, comments. E. S. Gulyaev]. Syktyvkar, 1979. 608 p. (In Russian).
18. Latysheva, V. A. O drame Ivana Kuratova «Pama» [The drama of Ivan Kuratov "Pam"] // Latysheva V. A. Klassiki i sovremenniki: stat'i o literature [Latysheva, V. A., Classics and contemporaries: papers on literature]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi publishing house], 2005. P. 182-202. (In Russian).
19. Limerov P. F., Limerova V., Surmina L. E. I.A. Kuratov: novye podhody k izucheniyu tvorchestva [I. A. Kuratov: new approaches to the study of creativity] // Permskie literaturny v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoi slovesnosti: kollektiv. monogr. Ekaterinburg; Izhevsk [Perm literature in the context of Finno-Ugric culture and Russian literature: the team. Monogr. Yekaterinburg; Izhevsk]; Syktyvkar: UMC UPI, 2014. P. 306-339. (In Russian).
20. Lytkin V. I. Kuratov t'dmalan istoriyays' // Kuratovskie chteniya: sb. T. 1 / otv. red. A. K. Mikushev; Memor. muzei I. A. Kuratova [Kuratov tamalan istorias // Kuratovskii read: collection vol. 1 / ed. ed. A. K. Mikushev; Memor. Museum of I. A. Kuratov]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1973. P. 5-15. (In Russian).
21. Martynov V. I. Predislovie [Foreword] // Kuratov I. A. Ty beskonechna, zhizn': (zametki, publicistika) / (sost., avt. predisl. i komment. V. I. Martynov) [Kuratov I. A. You are infinite, life: (notes, journalism) / (sost., ed. Foreword. and comment. V. I. Martynov)]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1988. P. 3-8. (In Russian).
22. Martynov V. I. Istoriya otkrytiya i izucheniya rukopisnogo naslediya I. A. Kuratova // Kuratovskie chteniya: sb. T. 6 / otv. red. A. K. Mikushev; Memor. muzei I. A. Kuratova [History of discovery and study of the manuscript heritage of I. A. kuratova // Kuratovskii read: collection vol. 6 / ed. ed. A. K. Mikushev; Memor. Museum of I. A. Kuratov]. Syktyvkar: Komi kN. Izd-vo [Komi kN. publishing house], 1990. P. 29-42. (In Russian).
23. Martynov V. I. Vodzkyy (= Predislovie) [Vodzkyl (= Preface)] // Kuratov I. A. Komi gor = Golos komi: sb. hudozh. proizvedenii [I. A. Kuratov mountains of the Komi = Komi's Voice: collected art. works']. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1989. P. 5-34. (In Russian).
24. Mikushev A. K. Komi literatura i narodnaya poeziya [Komi literature and folk poetry]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kN. publishing house], 1961. 128 p. (In Russian).
25. Mikushev A. K. Poet v Semirech'e [A Poet in Semirechye] // Kuratovskie chteniya: sb. T. 1 / otv. red. A. K. Mikushev; Memor. muzei I. A. Kuratova [Kuratovskii read: collection vol. 1 / ed. ed. A. K. Mikushev; Memor. Museum of I. A. Kuratov]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kn. publishing house], 1973. P. 31-43. (In Russian).
26. Mikushev A. K. Na taezhnyh prostorah [On taiga open spaces]. Moscow: Sovremennik, 1986. 305 p. (Lit. map of the RSFSR). (In Russian).
27. Mikushev A. K. Nash Kuratov [Our Kuratov], // Kuratovskie chteniya: sb. T. 6 / otv. red. A. K. Mikushev; Memor. muzei I. A. Kuratova [Kuratovskii read: collection vol. 6 / ed. ed. A. K. Mikushev; Memor. Museum of I. A. Kuratov]. Syktyvkar: Komi kN. Izd-vo [Komi kN. publishing house], 1990.P. 5-13. (In Russian).
28. Oboturov I. Predislovie [Preface] // Kuratov I. A. Gizhod chukor [I. A. Kuratov I. A. Gizhod chukor]. Syktyvkar: Komigiz, 1932. P. 1-18. (In Russian).
29. Popov, A. (Olek Ondrej). Nekymyn kyv I. A. Kuratov iylys' [A few words about the I. A. Kuratov] // Udarnik [Drummer]. 1935. No. 3. P. 35-40. (In Russian).
30. Popov A. A. Ob I. A. Kuratove. 1939 [About I. A. Kuratov. 1939] // Nauchnyi arhiv KNC UrO RAN [The Scientific archive of the Komi science center of UB RAN]. F. 1. Op. 11. D. 36A. 81 l. (In Russian).
31. Sidorov A. S. Todlytom komi gizhys' I. A. Kuratov (= Neizvestnyi komi pisatel' I. A. Kuratov) [Todlytom komi gizhys' I. A. Kuratov (= Unknown Komi writer I. A. Kuratov)] // Parma El. 1923. No. 1/2. P. 18-19. (In Russian).
32. Tiraspol G. I. A. Kuratov – yazykoved [I. A. Kuratov-linguist]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi kn. publishing house], 1980. 144 p. (In Russian).
33. Tiraspol G. I. Tiraspol'skii G.I. Nad rukopisyami I. A. Kuratova. Poiski i nahodki filologa [On manuscripts I. A. Kuratova. Searches and discoveries of the philologist]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi publishing house], 1985. 112 p. (In Russian).
34. Tiraspol G. I. Eho Pushkinskoi liry [Echo of Pushkin's lyre]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi publishing house], 1999. 256 p. (In Russian).
35. Fedorova A. N. . A. Kuratov. Ocherk zhizni i tvorchestva [I. A. Kuratov. Essay of life and creativity]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi publishing house], 1960. 192 p.; [2 ed.]. 1975. 192 p. (In Russian).
36. Wichman Y. KurzerBerichtubereineStudienreisezudensyrjanen (1901-1902) = Kratkii nauchnyi otchet o komandirovke k zyryanam (1901-1902) // Journalde laSocieteFenno-ougrienne (Helsingfors). 1903. B. XXI. (In Finnish).

Received 28.02.2018

Limerov P.F., Candidate of Philology, leading researcher of Literary Studies Department
of Language, Literature and History Institute

Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Science
Communisticheskaya st., 26, Syktyvkar, GSP-2, Russia, 167982
E-mail: plimeroff@mail.ru